

DOI: 10.31857/S013038640008658-1

© 2020 г. В. С. ХРИСТОФОРОВ

СТЕПНОЙ КРАЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЗГЛЯД РОССИЙСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ (1914–1917 годы)

Христофоров Василий Степанович — доктор юридических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Ислам и мусульмане в восприятии российской политической и культурной элиты: проблемы формирования исламского дискурса в первой трети XX в.» проект № 18-09-00310.
E-mail: xvsarhiv@rambler.ru

Аннотация. Статья содержит анализ ранее неизвестных архивных материалов, раскрывающих специфику информационно-аналитической работы Омского жандармского управления, в чьей юрисдикции находилось население Степного края (неофициальное наименование современной северо-восточной части Казахстана, в которую входили Акмолинская и Семипалатинская области). Особое внимание уделяется проблемам информированности руководства и сотрудников Омского жандармского управления, а также Омского и Павлодарского отделений жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги о мусульманах (казахах и татарах) Степного края, их настроениях, отношении к различным политическим, экономическим и военным событиям, происходящим в Российской империи в 1910–1917 гг. Делается вывод о специфике восприятия российской контрразведкой ситуации в Степном крае и его возможной связи с событиями Туркестанского восстания 1916 года. Деятельность жандармских и полицейских подразделений в Степном крае строилась на основании циркулярных указаний Департамента полиции МВД Российской по организации работы среди мусульманского населения, по наблюдению за деятельностью обществ в городах Омске, Семипалатинске и Акмолинске, контролю за общественными настроениями, в том числе, среди мусульман, в первую очередь корреспондентов и подписчиков мусульманских газет и журналов, издававшихся в городах Оренбурге, Уфе и Казани. Под особым контролем жандармских и полицейских подразделений были лица, занимавшиеся панисламистской и пантюркистской пропагандой, выходцев из Турции. Высказывались предположения о том, что агитация так называемых пантюркистов и панисламистов могла найти отклик у отдельных лиц и групп, послужить толчком к возникновению брожения среди мусульман. Омское жандармское управление в своих оценках ситуации в регионе не обвиняло огульно мусульман Степного края в приверженности идеям панисламизма и пантюркизма, туркофильстве и прочих антиправительственных настроениях.

Ключевые слова: мусульмане в Российской империи; казахи; Степной край; Омское жандармское управление; Туркестанское восстание.

V. S. Khristoforov

The Steppe Region in the Political, Economic, and Cultural Space of the Russian Empire: A View of Russian Counterintelligence (1914–1917)

Vasilij Khristoforov, Russian state humanitarian University, Institute of Russian history Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: xvсарhiv@rambler.ru

Abstract. The article contains an analysis of previously unknown archival materials that reveal the specifics of the Omsk Gendarmery Administration's information and analytical work, in which jurisdiction the population of the Steppe Territory (the unofficial name of the modern North-Eastern part of Kazakhstan, which included the Akmola and Semipalatinsk regions) was located. Particular attention is paid to the awareness of the Omsk Gendarmery Administration's leadership and employees, as well as that of the Omsk and Pavlodar branches of the Siberian Railway gendarmery police department about the Muslim population (Kazakhs and Tatars) of the Steppe Territory, their moods, attitudes towards various political, economic and military events taking place in the Russian Empire in 1910–1917. The conclusion is made about the specifics of perception by the Russian counterintelligence of the situation in the Steppe Region and its possible connection with the events of the Turkestan uprising of 1916. The activities of the gendarmery and police units in the Steppe Territory were based on circular instructions from the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire to organize work among the Muslim population, to monitor the activities of societies in the cities of Omsk, Semipalatinsk and Akmolinsk, and to monitor public sentiment, including among Muslims, primarily correspondents and subscribers of Muslim newspapers and magazines published in the cities of Orenburg, Ufa and Kazan. Under the gendarmery and police units' special control were those who were engaged in pan-Islamist and pan-Turkist propaganda, immigrants from Turkey. It was suggested that the agitation of pan-Turkists and pan-Islamists could find a response among individuals and groups, serve as an impetus for the disturbance among Muslims. The Omsk Gendarmery Administration in its assessments of the situation in the region didn't accuse the Muslims of the Steppe Territory indiscriminately of adhering to the ideas of pan-Islamism and pan-Turkism, Turkophilism, and other anti-government sentiments.

Keywords: muslims in the Russian Empire; Kazakhs; Steppe Krai; Omsk Gendarmerie Department; Central Asian revolt of 1916.

Разнообразные сюжеты этноконфессиональной истории России и их связь с глобальными структурными подвижками, имевшими место накануне и в годы Первой мировой войны заслуженно вызывают научный интерес. Общий контекст событий, происходивших в начале XX в. на западных и восточных перифериях империи: Туркестанское восстание (1916 г.), провозглашение автономий в целом ряде регионов (Кокандская, Алашская 1917 г.), движения за автономию в прибалтийском регионе, в Польше и будущей Финляндии, изучен довольно неплохо. В современной российской историографии в «мусульманских» ареалах страны уделено существенное внимание в работах Д. Аманжоловой, Д. Арапова, В. Бобровникова, Т. Котюковой, И. Загидуллина, О. Сенюткиной и других

авторов¹. Англоязычная историография также весьма разнообразна². При этом в большинстве исследований речь идет о Средней Азии, Волго-Уральском регионе, Северном Кавказе; очень мало работ, посвященных оценке положения населения Степного края. Подобным образом, весьма скромно, выглядит историография деятельности МВД и ему подотчетных органов в регионах проживания нехристианских народов³.

При внимательном изучении ранее опубликованных источников следует обратить внимание на сборник документов «Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века», в котором содержатся хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации донесения «временно исполняющего должность начальника Омского жандармского управления в Департамент полиции» о межэтнических отношениях в крае⁴ и о волнениях среди казахов в период подготовки выборов в Государственную Думу 1905 г.⁵ В материалах Омского жандармского управления содержатся данные о том, что «киргизское (казахское. — В. Х.) население... представляет собой очень крупную единицу, которая при миролюбивых отношениях может принести громадную пользу государству, а при немирлолюбивых вызовет неисчислимый вред»⁶. Отдельные документальные сведения о ситуации в Степном крае на начальном этапе Первой мировой войны содержатся в сборнике документов МГУ и Института всеобщей истории РАН, посвященном Туркестанскому восстанию⁷. При этом вне поля

¹ Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сб. документов. Составитель Д. А. Аманжолова. Караганды, 2005; Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX вв.): Сб. материалов. Составитель и автор комментариев Д. Ю. Арапов. М., 2006; *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. Отв. редакторы В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007; *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007; *Тольц В.* «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013; *Бобровников В. О.* К истории (меж)имперских трансферов XIX — XX вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира. — Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сб. научных трудов. Омск, 2016; *Котюкова Т.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016.

² *Crews R. D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge — London, 2006; *Norihito Naganawa.* Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905. — Acta Slavica Iaponica, t. 23, 2006; *Kefeli A. N.* Becoming Muslim in Imperial Russia. Conversion, Apostasy, and Literacy. Ithaca — London, 2014; *Campbell E.* The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Indiana, 2015; *Eden J., Sartori P., DeWeese D.* Moving Beyond Modernism: Rethinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th–20th Centuries). — Journal of the Economic and Social History of the Orient, № 59, 2016.

³ *Перегудова З. И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000; *Бойко С. И., Петренко Н. И., Соколова В. И.* Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организация и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе. Чебоксары, 2016; *Гусева Ю. Н.* Информация об информаторах: как и кем собирались данные о мусульманах Российской империи в начале XX века. — Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.). Казань, 2017.

⁴ Уфимское губернское жандармское управление. 1873–1917 гг. Документы и материалы. Уфа, 2012, с. 89–90.

⁵ Там же, с. 97.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ), ф. 102 ДП, оп. 233, 1905 г., д. 2550, ч. 23, л. 2а–2б.

⁷ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. Составитель и автор комментариев Т. В. Котюкова М., 2016; Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века. Сб. документов и материалов. Отв. редактор Д. Аманжолова. М., 2017.

зрения составителей остались документы из Государственного исторического архива Омской области.

Степной край — неофициальное название в 1882–1917 гг. северо-восточной части современного Казахстана. В состав Степного края (Степного генерал-губернаторства) входили Акмолинская, Семипалатинская и (до 1898 г.) Семиреченская области. Административным центром Степного генерал-губернаторства был город Омск, одновременно являвшийся административным центром Акмолинской области, Сибирского казачьего войска и Омского военного округа. Казахи являлись доминирующей этнической группой: составляли 74% от общей численности населения, 21% жителей причисляло себя к русским, 4% — к татарам. Таким образом, около 80% населения Степного генерал-губернаторства было «магометанским» и с начала XX в., времени активизации национально-религиозных движений, находилось в зоне повышенного внимания властей.

В статье на основе материалов Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО) реконструируется социально-политическая и экономическая обстановка в Степном крае в начале XX в.; анализируются сведения, поступавшие в Омское жандармское управление о мусульманах Степного края, их настроениях, отношении к различным политическим, экономическим и военным событиям, происходящим в Российской империи в 1910–1917 гг.; рассматривается реакция мусульман Степного края на войну с Турцией; выясняется, была ли зафиксирована масштабная подготовка к выступлениям, состоявшимся в 1916 г.

Сбором информации о положении в Степном крае, настроениях населения, в том числе мусульманского, революционных организациях, к которым наряду с социал-демократами, эсерами, анархистами, относились и различные общественные организации мусульман, именовавшиеся «панисламистскими», а иногда и «пантюркистскими». Политическим розыском в крае занимались: Омское жандармское управление (в лице начальника управления и его помощников), Омское и Павлодарское отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (далее ЖПУ Сибирской ж.д.). Данные также собирались Омской городской полицией, которая включала управление и пять полицейских участков.

Материалы названных жандармских и полицейских подразделений представляют существенный интерес для исследователей, так как дают возможность оценить ситуацию в мусульманском сообществе края так, как ее видели российские контрразведчики. Рассматриваемые материалы практически неизвестны историкам, занимающимся «мусульманскими» вопросами Российской империи.

В числе ценных источников по теме исследования следует назвать дела Омского жандармского управления, в которых содержатся: сведения о лицах, принадлежащих к партиям социалистов-революционеров, панисламистов и сионистов (9 января 1912 г. — 3 января 1913 г.); о деятельности политических партий и общественного движения (февраль — декабрь 1914 г.). «Об общественном движении и прессе в г. Омске и Степном крае» (1 февраля 1916 г. — 3 февраля 1917 г.)⁸

Архивы содержат переписку Омского ЖУ, Акмолинского губернатора и Степного генерал-губернатора с Департаментом полиции МВД, а также циркулярные указания Департамента полиции по организации работы среди мусульманского населения, по наблюдению за деятельностью обществ в г. Омске, Семипалатинске и Акмолинске, контролю за общественными настроениями, в том числе среди мусульман⁹. Циркуляр ДП № 65173 от 30 апреля 1908 г., адресованный губернаторам

⁸ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО), ф. 270, оп. 1, д. 88; д. 332.

⁹ Там же, д. 23

и градоначальникам предписывал организовать строгое наблюдение за деятельностью просветительских Обществ разных наименований и в особенности «Обществ народных университетов» и в случае уклонения их в сторону политической агитации и пропаганды принимать решительные меры вплоть до закрытия¹⁰. Циркуляром Департамента полиции от 20/30 марта 1913 г. № 97244 предписывалось освещать настроения мусульманского населения, культурного и панисламистского движения среди мусульман и поддержании контактов представителей «Томского общества магометан-прогрессистов» и редакции газеты «Сибирия» с мусульманами¹¹.

В деле Омского ЖУ «Об общественном движении и прессе в г. Омске и Степном крае» (1 февраля 1916 г. – 3 февраля 1917 г.) содержатся сводки наблюдения по городу Семипалатинску за лицами, принадлежавшими к местной организации социал-демократической партии (РСДРП), а также сведения наблюдения за конкретными лицами. Содержательная информация приведена в политических обзорах, готовившихся в Омском жандармском управлении: по Степному краю, городам Омску и Петропавловску, Акмолинскому, Кокчетавскому и Петропавловскому уездам, направлявшиеся в Департамент полиции, губернатору Степного края, Сибирский жандармский округ, Жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги за период 1901–1916 годов¹².

В архивных материалах содержатся сведения о настроениях казахского и татарского населения – Омска, Акмолинской области. Омское ЖУ отмечало, что некоторое волнение киргизского населения Акмолинской области и ведение агитации были связаны с предстоявшими в 1910 г. выборами волостного управителя Джаландинской волости, которые неизменно вызывали активизацию политической деятельности среди местного населения. Так около 400 киргизских семейств разделялись на «две партии: на Кусимисовскую и Куванышевскую, которые и вели агитацию в степи». Размежевание на группы произошло по всем вопросам, в том числе и по вопросу строительства мечети, которую хотели строить сторонники местного лидера Кусимисова¹³.

Департамент полиции распоряжением от 18 декабря 1910 г. потребовал от начальников районных охранных отделений и губернских жандармских управлений создать сеть агентуры, работающей по выявлению «панисламистов», в другом документе, датированном 25 января 1911 г. подчеркивалось о необходимости сбора материалов по «панисламизму»¹⁴. Архивные материалы ИАОО свидетельствуют, что в Омском ЖУ и Омском отделении ЖПУ Сибирской железной дороги существовали серьезные трудности приобретения и использования агентов из числа местного населения.

Турецкий след в работе с мусульманским населением Степного края отмечен в материалах переписки Омского жандармского управления о турецком подданном Хаджи Махмет Абдулле, которого обвиняли в агитации среди казахского населения Кокчетавского уезда¹⁵.

Как и в других регионах Российской империи, мусульманское население Степного генерал-губернаторства проверялось на предмет симпатии к идеям мусульманского единства («панисламизм»), тюркской общности («пантюркизм»), симпатий к Турции как центру халифата, хранительнице мусульманских святынь.

¹⁰ Там же, д. 23, л. 53, 131–135.

¹¹ Там же, д. 627, л. 11.

¹² Там же, д. 48, 49, 51, 59.

¹³ Там же, д. 627, л. 15об.

¹⁴ Сеноткина О. Н. Указ. соч., с. 367–368.

¹⁵ ГИАОО, ф. 270, оп. 1, д. 46а.

Начальник Омского почтово-телеграфного округа регулярно информировал начальника Омского жандармского управления о количестве мусульманских периодических изданий, приходивших в почтово-телеграфные конторы различных уездов края, и адресатах, их получавших¹⁶. Омское ЖУ установило тщательное постоянное наблюдение за сотрудниками газет, издававшихся на территории Акмолинской области, в том числе и газеты «Прииртышь», поддержанием контактов сотрудниками-мусульманами с лицами, проживающими в Казани, Ташкенте, Самарканде. По мнению руководителя ЖУ полковника Козлова, редакция газеты «Прииртышь» уделяла внимание культурному движению среди мусульман, однако эта газета издавалась на русском языке и не имела сколько-нибудь существенного влияния на местное население. Козлов отмечал, что на территории Акмолинской области заслуживали внимания и оперативного контроля корреспонденты и подписчики мусульманских газет и журналов, издававшихся в городах Оренбурге, Уфе и Казани¹⁷.

Многие из этих публикаций были наполнены новой общественно-политической риторикой, зачастую непонятной или вызывавшей у властей вопросы. Начальник Омского ЖУ генерал-майор А.П. Орлов полагал, что на территории Акмолинской области заслуживали внимания и оперативного контроля корреспонденты и подписчики мусульманских газет и журналов, издававшихся в городах Оренбурге, Уфе и Казани. Статьи из журнала «Ай-Кап» переводил на русский язык переводчик Отдельного корпуса жандармов Коровин и направлял начальникам Оренбургского губернского жандармского управления и Туркестанского Районного охранного отделения, Военному губернатору Семиреченской области. По сообщению начальника Оренбургского ГЖУ в журналах «Ай-Кап» № 1–9 за 1911 г. не было информации противоправного характера¹⁸. Однако в том же журнале № 10 за 1913 г. была опубликована статья «Нужны ли съезды?», в которой рассматривались различные варианты места проведения съездов казахов, ставились важные для местной национальной элиты вопросы, способные привести к изменению общественно-политических настроений населения края: порядок выбора должностных лиц и каких лиц преимущественно надо выбирать; порядок правосудия биев (судей) и требования к местным судьям; вопрос об открытии школ, лечебниц, хлебопашества, скотоводства, нужно ли земство; на каком языке подавать жалобы и прошения; вопросы конфессионального характера¹⁹.

Почему особое внимание жандармских управлений уделялось прессе? Пресса, изданная в Волго-Уральском регионе, была доступна, так как массово привозилась татарскими муллами и торговцами, которые с XVIII в. при поддержке государства шли «окультировать» население края и торговать с местным населением; понятна в языковом отношении. Пресса содержала призывы к политической активизации, формализовала требования национально-религиозной элиты к власти, будоражила общественное мнение. В результате, по мнению сторонних наблюдателей, печать способствовала тому, что в тогдашней политической риторике именовалось «пантатаризмом» или «татаризацией». К тому же в газетах публиковались сведения о революциях в Турции, Персии. Вокруг татарской прессы формировалось негативное информационное поле как о застрельщике революционного, пантюркистского, панисламистского толка. Несмотря на все это, очевидных эксцессов на почве распространения тюркской прессы в Степном крае в 1905–1917 гг. не отмечалось.

¹⁶ Там же, д. 59, л.15–17; д. 609, л.19–22, 92–102; Туркестан в имперской политике России. Монография в документах. Отв. редактор Т. В. Котюкова. М., 2016, с. 34, 43.

¹⁷ ГИАОО, ф. 270, оп. 1, д. 609, л. 42–42об.

¹⁸ Там же, л. 34–43об.

¹⁹ Там же, д. 627, л. 19–21.

Особое внимание работниками МВД уделялось также новым, появившимся после царского указа 1905 г., формам общественной деятельности. Под наблюдением омских жандармов и полицейских находились мусульманские просветительские кружки, читальни, библиотеки, общественные организации, которые, как и в иных частях империи, рассматривались как потенциальные «очаги» взращивания потенциально опасных национальных и религиозных притязаний.

В целях организации наблюдения за деятельностью разного рода мусульманских организаций и обществ, начальник Омского ЖУ просил губернатора Акмолинской области о предоставлении сведений обо всех существовавших легально на территории области мусульманских организациях, составах их правлений, уставах. Так, подконтрольной стала деятельность «Магометанского общества о начальном образовании» и работавшей при нем библиотеки-читальни имени Исмаила Гаспринского в Семипалатинске, «Общества для содержания Петропавловской мусульманской библиотеки», работавшая в Петропавловске мусульманская библиотека-читальня и зарегистрированное в 1913 г. «Акмолинское благотворительное мусульманское общество». Циркуляром Департамента полиции от 20/30 марта 1913 г. № 97244 предписывалось освещать настроения мусульманского населения, культурного и панисламистского движения среди мусульман и поддержании контактов представителей «Томского общества магометан-прогрессистов» и редакции газеты «Сибиряк» с ними²⁰.

Деятельность подобных организаций была еще одним из источников получения информации о потенциальных устремлениях региональной элиты. Очевидно, что любая ее активность, выходящая за привычные рамки, вызывала повышенный интерес работников МВД. Вместе с тем, рассматриваемые документы не дают оснований расценивать деятельность мусульманских обществ как противоправную и антигосударственную.

Обратим внимание на то, что оценки «мусульманской угрозы», характерные для контрразведчиков региона, не были единодушными. Так, 5 июля 1912 г. ротмистр Бенкович проверял сведения, изложенные Петропавловским уездным начальником относительно настроений мусульман, проживавших в районах уезда. Ротмистр назвал оценки уездного начальника «преувеличенным и необоснованными», мотивируя это тем, что доказательств связи отдельных беспорядков среди кочевого населения с национально-религиозными движениями нет, а существуют одни лишь предположения. По сведениям агентуры, «среди киргизов (казахов – В.Х.) национальное движение вообще только начинало пускать корни в массы, которая до последнего времени оставалась совершенно безучастной к своему положению»²¹. Однако в Петропавловском уезде никакой заметной активности приерженцев так называемого панисламизма не наблюдалось.

Информация о «противоправительственном брожении среди киргизов (казахов)», поступающая 24 сентября 1914 г. в Оренбургское губернское жандармское управление от губернатора Тургайской области М.М. Эверсмана также существенно отличалась. Начальник Оренбургского ГЖУ генерал-майор Г.П. Бабич писал, что «никакой противоправной агитации в среде киргиз не замечается и совершаемые ими добровольные пожертвования на нужды войны могут служить убедительным доказательством их неподдельного, патриотического чувства»²².

²⁰ Там же, д. 609, л. 42об.

²¹ Там же, л. 15–15об.

²² Семенов В.Г., Иванова А.Г. События в Тургайской области по донесениям Оренбургского губернского жандармского управления. – Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017.

Судя по имеющимся материалам, Первая мировая война продемонстрировала корректность заключений о весьма ограниченном распространении идей исламской солидарности в Степном крае. 12 сентября 1914 г. Акмолинский губернатор запросил у региональных жандармов информацию о настроениях мусульманского населения в связи с началом Первой мировой войны. Начальник Омского ЖУ 15 сентября 1914 г. сообщил, что преобладающая часть мусульман края была освобождена от исполнения воинской повинности, к воинской повинности были привлечены лишь татары, проживавшие в городах области. Татары, «в силу большей культурности», проявили больше интереса к войне, чем казахи, но и те, и другие, вполне спокойно встретили объявление войны, а представители мусульманского духовенства провели повсеместно молебны о победе России, произносили проповеди патриотического содержания²³.

В г. Петропавловске, значительную часть населения которого составляли татары, мобилизация прошла образцово. В первые дни после объявления войны в городах области прошли манифестации, в которых принимали участие и русские, и мусульмане. 4 сентября 1914 г. татарским любительским театром был дан спектакль, весь сбор от которого предназначался в пользу семей воинов, а 12 сентября 1914 г. в двух мечетях Омска был проведен кружечный сбор на нужды Омского городского лазарета для раненых солдат. При проведении различного рода сборов мусульманское население не обособлялось от мероприятий, проводившихся среди русскоязычного населения²⁴.

По данным начальника Омского ЖУ, ввиду отдаленности Степного края от Турции, местное мусульманское население было мало осведомлено о ней и особых симпатий к ней не питало, что выражалось в пассивном отношении во время славяно-турецкой (итало-турецкой) войны 1911–1912 гг. В ноябре 1914 г. Омское ЖУ отмечало, что настроение мусульманского населения оставалось спокойным и какого-либо сочувствия к Турции не замечалось. По мнению Акмолинского губернатора А.Н. Неверова, война России с Германией и Австро-Венгрией, а также сам ход исторических событий создал условия, «неблагоприятствующие успехам панисламистской и пантюркистской пропаганды, которая велась последние десятилетия в пределах Российской империи». Тем не менее, Неверов не допускал того, что выходцы из Турции, турецкие подданные, отказались от своих намерений и от своей деятельности в национальных интересах Турции. Губернатор отмечал, что российское мусульманство было настроено вполне лояльно, однако агитация пантюркистов и панисламистов могла найти отклик у отдельных лиц и групп, послужить толчком к возникновению брожения среди мусульман вообще. Для недопущения этого Неверов предлагал установить тщательное наблюдение за появлением турецких эмиссаров-пропагандистов, пресекать их враждебную деятельность; принимать меры к пресечению проведения среди российских мусульман каких-либо тайных сборов в пользу враждебных государства. Губернатор просил подотчетных ему чиновников регулярно представлять ему материалы об отношении российских мусульман к войне с Турцией и иную заслуживающую внимание информацию²⁵.

В связи с этим представляются убедительными аргументы тех исследователей, которые в событиях восстания 1916 г., затронувших и Степной край, доказывают отсутствие заметного турецкого влияния²⁶.

²³ ГИАОО, ф. 270, оп. 1, д. 41а, л. 52–52об.

²⁴ Там же, ф. 119, оп. 1, д. 27, л. 50а.

²⁵ Там же.

²⁶ *Васильев А. Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. — Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сб. докладов международной научно-практической конференции, г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016.

Оригинальные материалы омских жандармско-полицейских органов свидетельствуют о том, что основные направления работы органов МВД на местах по «мусульманскому вопросу» были вполне типичными. Они строились с учетом общих задач, транслируемых столичными структурами, и соотносились с местными реалиями. Как и во многих других регионах, населенных мусульманами, омские чиновники столкнулись с нехваткой переводчиков и выходцев из местной среды, готовых работать в качестве секретных сотрудников.

В чем состояла специфика чиновничьего дискурса Степного края? Во-первых, отметим, что омские чиновники не были готовы огульно обвинять мусульман Степного края в приверженности идеям панисламизма и пантюркизма, туркофильству и прочих антиправительственных настроениях. События первых лет Первой мировой войны вполне подтвердили корректность их аналитических заключений. Сравнительные оценочные суждения работников МВД с иными экспертными и миссионерскими оценками, мы можем утверждать: омские чиновники в структуре МВД, равно как и губернаторы, формулировали свою собственную точку зрения на национально-религиозные процессы, проистекавшие в Степи. В целом, они не фиксировали очевидных предпосылок резкого обострения ситуации, которое случилось в 1916 г., поэтому работники МВД были попросту психологически и организационно к ней не готовы.

Библиография

Бобровников В. О. К истории (меж)имперских трансферов XIX–XX вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира. – Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск, 2016, с. 23–42.

Бойко С. И., Петренко Н. И., Соколова В. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организация и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе. Чебоксары, 2016.

Васильев А. Д. К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. – Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сб. докладов международной научно-практической конференции, г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016, с.108–113.

Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. Составитель и автор комментариев Т. В. Котюкова. М., 2016.

Гусева Ю. Н. Информация об информаторах: как и кем собирались данные о мусульманах Российской империи в начале XX века. – Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.). Сб. статей. Казань, 2017, с. 476–493.

Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.). Сб. материалов. Составитель и автор комментариев Д. Ю. Арапов. М., 2006.

Котюкова Т. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016.

Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.

Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов. Составитель Д. А. Аманжолова. Караганды, 2005.

Россия и Центральная Азия. Конец XIX - начало XX века: сборник документов и материалов. Отв. редактор Д. Аманжолова. М., 2017.

Северный Кавказ в составе Российской империи. Отв. редакторы В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007.

Семенов В. Г., Иванова А. Г. События в Тургайской области по донесениям Оренбургского губернского жандармского управления. – Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017, с. 438–446.

Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013.

Туркестан в имперской политике России. Монография в документах. Отв. редактор Т. В. Котюкова. М., 2016.

Уфимское губернское жандармское управление. 1873–1917 гг. Документы и материалы. Уфа, 2012.

Kefeli A. N. Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy. Ithaca – London, 2014.

Campbell E. The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Indiana, 2015.

Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge – London, 2006.

Eden J., Sartori P., DeWeese D. Moving Beyond Modernism: Rethinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th–20th Centuries). – Journal of the Economic and Social History of the Orient, № 59, 2016, p. 1–36.

Norhiro Naganawa. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905. – Acta Slavica Iaponica, t. 23, 2006, p. 101–123.

References

Bobrovnikov V. O. К истории (mezh)имперских трансферов 19 – 20 вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира. – Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов [On the history of (inter)imperial transfers of the 19th–20th centuries: foreigners / natives of the Caucasus and Algeria. – Asian Russia: people and structures of the empire: scientific works collection]. Omsk, 2016, p. 23–42. (In Russ.)

Boyko S. I., Petrenko N. I., Sokolova V. I. Kazanskoе губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационная и деятельностная деятельность в полиэтникоконфессиональном регионе [Kazan Provincial Gendarme Administration in 1880–1917: organization and activity in a multi-ethnic and religious region]. Cheboksary, 2016. (In Russ.)

Guseva Yu. N. Информационные обзоры: как и кем собирались данные о мусульманах Российской империи в начале 20 века. – Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.). Сб. статей [Information about informants: how and by whom the data on Muslims of the Russian Empire at the beginning of the 20th century was collected. – Peoples of the Volga and Ural regions between revolutions (1905–1917)]. Kazan, 2017, p. 476–493. (In Russ.)

Императорская Россия и мусульманский мир (концы 18 – начало 20 вв.). Сб. материалов. Составитель и автор комментариев Д. Иу. Арапов [Imperial Russia and the Muslim world (late 18 – early 20 centuries.): Collection of materials. Comp. and auth. comment. D. Yu. Arapov]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Kotyukova T. Украина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы [Outskirts in a special position... Turkestan in the drama anticipation]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Peregudova Z. I. Политический сыск в России (1880–1917) [Political investigation in Russia (1880–1917)]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов. Составитель Д. А. Аманжолова [Russia and Central Asia. 1905–1925: Collection of documents. Comp. D. A. Amanzholova]. Karagandy, 2005. (In Russ.)

Россия и Центральная Азия. Концы 19 – начало 20 века: сборник документов и материалов. Отв. редактор Д. Аманжолова [Russia and Central Asia. The end of the 19 – the beginning of the 20 century: a collection of documents and materials. Editor-in-chief D. Amanzholova]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Semenov V. G., Ivanova A. G. События в Тургайской области по докладам Оренбургского губернского жандармского управления. – Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) [Events in the Turgai Region according to the reports of the Orenburg Provincial Gendarme Administration. – Uprising of 1916 in Asian Russia: unknown about the well-known (on the 100th anniversary of the Supreme Command on June 25, 1916)]. Moscow, 2017, p. 438–446. (In Russ.)

Senyutkina O. N. Туркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.) [Turkism as a historical phenomenon (based on the materials of the Russian Empire history in 1905–1916)]. Nizhny Novgorod, 2007. (In Russ.)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii. Otv. redaktory V. O. Bobrovnikov, I. L. Babich [The North Caucasus as part of the Russian Empire. Editor-in-chief V. O. Bobrovnikov, I. L. Babich]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Tolts V. «Sobstvennyi Vostok Rossii»: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period [«Own East of Russia»: Identity Policy and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow, 2013. (In Russ.)

Turkestan v imperskoi politike Rossii. Monografiia v dokumentakh. Otv. redaktor T. V. Kotiukova [Turkestan in the imperial policy of Russia: Monograph in documents. Ed. by T. V. Kotyukova]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Ufimskoe gubernskoe zhandarmское управление. 1873–1917 gg. Dokumenty i materialy [Ufa Provincial Gendarme Administration. 1873–1917. Documents and materials]. Ufa, 2012. (In Russ.)

Vasiliev A. D. K voprosu o vneshnem vliianii na sobytia 1916 g. – Tsivilizatsionno-kul'turnye aspekty vzaimootnoshenii Rossii i narodov Tsentral'noi Azii nachale KhKh stoletia (1916 god: uroki obshchei tragedii). Sb. dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 18 sentiabria 2015 g. [To the question of external influence on the events of 1916. – Civilizational and cultural aspects of relations between Russia and the peoples of Central Asia at the beginning of the twentieth century (1916: lessons of a general tragedy): doc. col. Int. scientific-practical conf., Moscow, September 18, 2015]. Moscow, 2016, p. 108–113. (In Russ.)

Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumental'nye svдетель'stva obshchei tragedii. Sb. dokumentov i materialov. Sostavitei' i avtor kommentariiev T. V. Kotiukova [The uprising of 1916 in Turkestan: documentary evidence of a general tragedy: doc. and materials col. Comp. and comment. T. V. Kotyukova]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Zagidullin I. K. Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii. Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri [Islamic institutions in the Russian Empire: Mosques in the European part of Russia and Siberia]. Kazan, 2007. (In Russ.)

Campbell E. The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Indiana, 2015.

Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge – London, 2006.

Eden J., Sartori P., DeWeese D. Moving Beyond Modernism: Rethinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th–20th Centuries). – Journal of the Economic and Social History of the Orient, № 59, 2016, p. 1–36.

Kefeli A. N. Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy. Ithaca – London, 2014.

Norihito Naganawa. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905. – Acta Slavica Iaponica, t. 23, 2006, p. 101–123.